

¹ Бялый Г. А. В. Г. Короленко. М., 1953. С. 53.

² Короленко В. Г. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 116—117. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы (в скобках).

³ От Грибоедова до Горького: Межвузовский сборник. Л., 1979. С. 143.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1969. Т. 2. С. 242.

⁵ Развитие реализма в русской литературе. М., 1974. Т. 3. С. 64.

О. И. КОХНО

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО И. А. Салова

(повесть «Бутузка»)

В богатой талантами литературе XIX века особое место занимают писатели, относящиеся к так называемому «второму ряду». Условность такого термина применительно к творчеству не вызывает сомнения. Назовем, к примеру, имена, ставшие сегодня в научном мире предметом серьезного осмысления: С. И. Гусев-Оренбургский, В. Г. Тан-Богораз, Н. Д. Телешов, А. О. Осипович-Новодворский, Н. Н. Златовратский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, И. А. Щеглов, В. А. Тихонов и др. Все это подтверждает общую плодотворную тенденцию в современной науке — системное и углубленное изучение литературного процесса во всем многообразии творческих индивидуальностей.

Среди прозаиков второй половины XIX века, чьи имена выходят в настоящее время из забвения, не последнее место занимает И. А. Салов — писатель-реалист демократического лагеря литературы.

Исследователь И. Д. Воронин справедливо отмечает: «...В странах, где поменьше культура, рассказы и повести Салова могли бы занимать чуть ли не первые места. А у нас они идут на среднем уровне»¹. Действительно, одной из причин забвения творчества Салова, на наш взгляд, является то, что это было время, когда творили такие гиганты, как Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Конечно, талант И. А. Салова скромнее, сила обобщения в его произведениях не столь велика. Однако быть слабее классиков-современников — это еще не значит быть плохим писателем. Тем более, что у И. А. Салова есть свои художественные достоинства и свое литературное лицо, а это немаловажно. «Мы, русские, — писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, — можем справедливо гордиться такими именами, как Глеб Успенский, Златовратский, Салов и т. д. Они отрицали все лохмотья и декорации старинной выдохшейся эстетики и служат боевую службу, которая им в свое время зачтется»².

Расцвет творчества И. А. Салова приходится на 70—80-е годы — время сотрудничества в передовом журнале России «Отечественные записки». История отношений Салова с редактором журнала подтверждает мысль о существовании литературной школы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Имя саратовского беллетриста было популярно в широких кругах читателей и привлекало внимание литературной критики, о нем писали А. Н. Пыпин, А. М. Скабичевский, П. В. Быков, Н. Ф. Хованский и др.

В статье мы обращаемся к раннему, наименее изученному, периоду литературной деятельности И. Салова и анализируем этапное произведение в творческой эволюции писателя — повесть «Бутузка». Этот выбор не случаен. Своеобразие повести позволяет определить особенности метода и манеры письма художника, найти ту точку отсчета в творчестве, которая привела его в дальнейшем к большим достижениям в познании природы человека и окружающей жизни. Имеются в виду принципы критического реализма, верность которым И. А. Салов стремился сохранять до конца своих дней.

«Бутузка» была опубликована в 1863 году в журнале «Время» братьев М. М. и Ф. М. Достоевских. Некоторые исследователи полагают, что повесть была написана «...не без влияния «Муму» Тургенева»³. Действительно, в обоих случаях изображается жизнь дореформенной деревни, проблема взаимоотношений помещиков и крестьян рассматривается в социальном и морально-этическом плане. Но «героини» выполняют различные функции. У И. Салова злобная собачонка выступает олицетворением самого крепостного строя, у И. С. Тургенева, как известно, — прямо противоположная ситуация.

Повесть имеет яркую антикрепостническую направленность. Писатель,

реалистически изображая отдельный случай из жизни крепостников, вскрывает сущность целого социального явления — разложения класса помещичьего дворянства. Основная идея ее — это обличение бездушия, ханжества помещиков, показ уродливых явлений деспотической власти над крестьянами. В отличие от других произведений, написанных позднее, в повести И. А. Салов обращается к таким «вечным» философским проблемам, как: что такое счастье? что такое жизнь и смерть? Своеобразны и приемы, средства, использованные писателем для раскрытия внутреннего мира героев.

Среди исследователей нет единого мнения по поводу жанровой природы этого произведения. Сам автор назвал его романом в двух частях. Но, как справедливо отмечают советские критики, оно принадлежит к «малой прозе», так как в произведении нет «...присущей роману глубины и широты в охвате действительности и разработке характеров»⁴. В. П. Рожков и Т. П. Ден определяют его как несколько растянутый рассказ. Мы присоединяемся к точке зрения исследователя А. П. Спасского, который называет это произведение повестью⁵. В основе рассказа обычно лежит отдельный факт из жизни героя, что обуславливает компактность его построения. Здесь же мы имеем развернутую сюжетно-композиционную структуру, которая разрабатывается автором во всех подробностях и деталях.

В «Бутузке» изображаются события из жизни помещичьей усадьбы Фролово. Действие развивается постепенно, неспешно, чем подчеркивается тихое и замедленное течение жизни в усадьбе. Этот прием писатель использовал и в других своих произведениях («Барин», «Едет»).

В повести две сюжетные линии, развитие каждой из них обусловлено конфликтом. В первом случае — это конфликт между барыней Аксиной Максимовной и ее крепостными Иваном и Ариной. Во втором случае — конфликт между Аксиной Максимовной и ее племянником Алексеем Крутояровым. Эти линии тесно связаны друг с другом и местом, и временем действия, и главным персонажем.

Центральным образом повести является Акиньша Максимовна — крепостница, человек несправедливый, взбалмошный, лживый и истеричный. Предметом ее обожания была злобная собачонка. Стоило Бутузке залаять на кого-то из двора, как этот человек становился объектом «нападения» и хозяйки. В этих случаях: «Лицо ее было, как полотно, глаза сверкали, губы судорожно сжимались, между тем как сухие и костлявые пальцы так и сжимались в кулаки»⁶. По воле хозяйки дрянная собачонка «властвовала» над дворней, держала всех в страхе. «Бутузка сразу могла осчастливить человека и сразу уничтожить его в пыль и прах» (231). Ситуация кажется абсурдной, но в условиях крепостнического уклада жизни, доведенного до крайностей, это было типично. Лицемерно рассуждая о свободе и выпуская из клетки воробья, помещица «держит в клетке» людей и жестоко издевается над ними.

И. А. Салов повествует о печальной судьбе крепостного Ивана, который собирался «извести» Бутузку, но, испугавшись барской кары, не сделал этого и скрылся. В поступках Ивана проявляется двойственность психологии крепостного крестьянина: с одной стороны, — стихийное бунтарство, с другой стороны, — страх перед хозяином.

Кульминационная сцена в повести связана с появлением Ивана в усадьбе. Тоска по Арине и родным местам заставила его вернуться, но здесь он был схвачен вместе с нищенкой-проводницей и обвинен помещицей без всяких оснований в намерении поджечь дом. Эта сцена приобретает трагический смысл. Афористично, несколькими словами крестьянина выражается вековая мечта народа о воле: «Хорошо жить тем, у кого ноги не связаны» (342).

Одним из центральных персонажей повести является Алексей Наумыч Крутояров. Продолжая традиции русской литературы в разработке проблемы «маленького человека», автор образом Крутоярова предвосхищает появление чеховских героев. Алеша — человек из разряда неудачников. Об этом читатель узнает из предыстории: «Его можно было бы назвать баловнем судьбы, но не потому, чтобы судьба баловала его, а потому, что она сама баловалась им и забавлялась, как кошка мышью» (246). Совсем отчаявшись и разочаровавшись в безотрадной жизни, он вспоминает о своей тетушке и решает приехать к ней в деревню.

Жизнь Алексея во Фролове протекала беззаботно, безбедно, в развлечениях: охота, рыбная ловля. И вот перед нами уже не тот несчастный

Алеша. «Как было не крепнуть Алексею Наумычу, когда он ел хорошо, спал отлично, купался по нескольку раз в день и ни разу не задумывался» (262), — иронизирует автор. Алексей, хоть и дворянского происхождения, но никогда не был богат, рано осиротел и поэтому не чувствовал своего превосходства над людьми. Попав во Фролово, он окунается в жизнь, которая определяется крепостническими уродливыми порядками. Первым нравственным испытанием для него было ударить повара и экономку Агафью: «Оплеухи, которые он дал повару и Агафье Филатьевне, лишили его покоя. Тяжелым камнем залегли они на добром и мягком сердце Алексея Наумыча» (281).

И. А. Салов рассматривает проблему относительности человеческого счастья. Казалось бы, Алексей становится богатым наследником, но приносит ли ему это счастье? Нет. Он находится в постоянной духовной зависимости от помещицы, не имеет права высказывать то, что думает. Для этого он должен стать таким же жестоким, деспотичным, как Аксинья Максимовна. Постепенно наступает прозрение Алексея, он начинает понимать, что как был маленьким и ничтожным по сравнению с властью имущими, таким и остался. Он ощущает духовное родство с крепостными Иваном и Ариной, которых хозяйка собирается сослать в Сибирь на каторгу. «...Неужели же в самом деле нет счастья, нет спокойствия? Неужели же жизнь непременно должна омрачаться чем-нибудь тяжелым, и почему же это тяжелое называется горькою действительностью?» (292) — думал Алексей. Ему искренне жаль Ивана и Арину.

В связи с этими событиями Алеше совсем другой видится тетушка. Из близкого друга она превращается в злейшего врага. Алексей Крутойров совершает единственный «бунтарский» поступок в своей жизни: он высказывает помещице свое возмущение ее лицемерием и жестокостью, требует снисхождения к крестьянам. Это кульминационный момент повести, а развязка — изгнание Алеша из усадьбы.

Есть основания полагать, что в образе Крутойрова отразились некоторые черты личной жизни И. Салова. Хотя детство и юность писателя прошли в куда более благоприятных условиях, чем у героя повести, но, если вспомнить, что в 50-е годы он пережил немало трудностей, связанных с разорением и обеднением семьи, то станет понятным его обращение к образу Крутойрова.

Представляет интерес образ старушки-нищенки, который дополняет картину крестьянского разорения, человеческой приниженности в условиях крепостного рабства. Через этот образ автор выражает идею слияния человека с природой, умения довольствоваться малым. «Травка мягкая, ночь теплая, цветочки пахнут, а пройдет ночь, займется зорька, так мне еще лучше твоего будет ...Нет, мне здесь любо, родимый» (276), — говорит нищенка Алеше. Контрастирует с этим реальная жизнь ее, о которой говорит Иван: «...ежели б она была воровка, то не голодала бы так, как она голодает. Она не просила бы Христа ради хлеба, не канючила бы под окнами и не жила бы где день, где ночь» (289).

Дворовых людей в повести представляют: буфетчик Аким, шестипалый дьячок, Агафья Степановна и др. Среди них выделяется управитель Фома Зотыч, который потихоньку обкрадывает хозяев, обогащается, поэтому отношение его к крестьянам подчеркнуто пренебрежительное. В нем автор уже тогда угадывал черты быстро нарождающихся Колупаевых, Разуваевых, Чесалкиных и других кулаков-мироедов.

По своей общей тональности и идее «Бутузка» была близка платформе журнала «Время» — это обличение основ крепостничества, но разрешение социальных конфликтов путем христианского всепрощения. Именно финал повести, где герои проливают слезы, подтверждает мысль автора о том, что все люди равны перед смертью и нужно прощать друг друга. Все это, конечно, ослабляет социальное звучание повести.

Ф. М. Достоевский использовал это произведение Салова в литературной полемике с «Современником» Н. А. Некрасова. Он говорил молодому писателю, что в «Современнике», пожалуй, не оценили бы эту повесть так, как ее оценили в редакции «Времени». Однако и Н. А. Некрасов, и Ф. М. Достоевский были едины во мнении, что И. А. Салов хорошо знал проблемы пореформенной деревни и талантливо писал об этом⁷.

Психологическая углубленность портретных характеристик, прекрасные зарисовки русской природы, богатство и образность языка — все это свойственно Салову-художнику и может стать предметом самостоятельного исследования.

¹ Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976. С. 124.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1965. Т. 8. С. 634.

³ Спассибенко А. П. И. А. Салов // Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1971. С. 569.

⁴ Рожков В. П. Ранние произведения И. А. Салова (1854—1863) // Вопросы истории и теории литературы. Вып. II. Челябинск, 1973. С. 47—48.

⁵ См.: Спассибенко А. П. И. А. Салов. С. 569.

⁶ Салов И. А. Собр. соч.: В 15-ти т. СПб., 1909. Т. 1. С. 234. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц.

⁷ См.: Быков П. П. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 58, 62.

Т. П. КАЗАКОВА

БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІ ЛЕТАПІС 1446 ГОДА І КІЕЎСКАЯ ЛІТАРАТУРНАЯ ТРАДЫЦЫЯ

Беларуска-літоўскі летапіс 1446 года¹ — першы агульнадзяржаўны помнік Вялікага княства Літоўскага, — нараджаўся на аснове багатай духоўнай і эстэтычнай спадчыны Кіеўскай Русі. Аўтарам летапісу былі блізкімі і сугучнымі і патрыятычны пафас, і многія ідэі старажытнарускіх літаратуры — сцвярджэнне неабходнасці моцнай вялікакняжацкай улады, асуджэнне міжусобіц, братазбойнічых войнаў. Жанры, якія ўжо трывала ўсталяліся ў ноўгарадска-кіеўскім летапісанні: пагадовыя запісы, гістарычныя аповесці, летапісныя апавяданні, — выкарыстоўваліся творца, у адпаведнасці з жыццёвымі пытаннямі іншага гістарычнага часу.

А. А. Шахматаў, аналізуючы Нікіфараўскі, Супрасльскі, Слуцкі (Увараўскі) і Акадэмічны спісы беларуска-літоўскага летапісу, зрабіў вывад, што галоўнымі крыніцамі іх былі Ноўгарадскі IV, Сафійскі I летапісы, мітрапалітаў звод, даведзены да 1446 года, і заходнерускія летапісы². В. А. Чамярыцкі сцвярджае, што агульнаруская частка першага беларуска-літоўскага зводу заснавана на мітрапалітавым летапісе 1446 года і Маскоўскім зводзе 1409 года (Троіцкі летапіс)³.

Ідэйна-мастацкая своеасаблівасць беларуска-літоўскага помніка сярэднявечнага заключаецца ў тым, што ў інтэрпрэтацыі беларускіх летапісцаў традыцыйныя элементы набывалі свежасць і навізну, добра служылі канкрэтызацыі галоўнай ідэі — асэнсаванню і зацверджанню важнай палітычнай і гістарычнай ролі Вялікага княства Літоўскага як аднаго з вядучых цэнтраў усходнеславянскіх зямель у XIV—XV стагоддзях.

Беларуска-літоўскі летапіс 1446 года складаецца з дзвюх частак — «Избрание лѣтописания изложено въкратце» і «Лѣописецъ великихъ князей литовъскихъ». Першая, пагадовая частка — «Избрание лѣтописания...» — уяўляе кароткае выкладанне старажытнарускіх і смаленскіх гісторыі. У яе склад уваходзяць «Сказание о вѣрныхъ святыхъ князехъ рускихъ», Смаленская хроніка, якая ўключае «Пахвалу Вітаўту», і смаленскія пагадовыя запісы. Хроніка «Лѣтописецъ великихъ князей литовъскихъ» складаецца з уласна «Лѣтописца» і аповесці аб Падоллі. Расказваючы аб яркіх старонках гісторыі Беларусі, Літвы і Украіны XIV стагоддзя, яна тэматычна дапаўняе пагадовую частку летапіса.

Ідэя прадставіць мясцовую гісторыю як працяг гісторыі Старажытнай Русі, тыя майстэрскія прыёмы, якімі гэта было зроблена, належаць беларускім летапісцам. Пры гэтым адчуваецца прамое дачыненне летапісцаў да ўсіх адлюстраваных падзей, іх роднасць з часам і вынікаючая адсюль яснасць разумення, глыбока асэнсаваная і мэтанакіраваная свабода ў выкарыстанні гістарычнага матэрыялу.

Устаноўлена, што ў параўнанні з рускімі летапісамі лёс усходніх славян ад «начала земли Рустей» (854) да 1446 года ў беларуска-літоўскім летапісу асвятляецца вельмі сцісла: няма звестак аб царах візантыйскіх і балгарскіх, аб Кірылу і Мефодзіі, аб набегіх полаўцаў, апущаны легенды аб апостале Андрэі, аб заснаванні Кіева, эпізодычна расказваецца пра кіраванне Рурыка, Алега, Ігара, Вольгі, Святаслава, Уладзіміра, Яраслава; гісторыя Кіеўскай Русі перапыняецца на звестках 1074 года.

Тым не менш, важныя для лёсу ўсходніх славян падзеі выкладаюцца даволі падрабязна: гэта аповесці аб хрышчэнні Русі (988), аб мангола-татарскім нашэсці (1237, 1380). Пад 1240 годам змешчана ў скарачаным выглядзе аповесць, у якой апісваецца пераможная бітва Аляксандра Неў-